

А.А. Сычев

УДК 179.3

**Экологическая этика в России:
становление и перспективы развития**

Аннотация. В статье описывается история и обсуждаются перспективы развития экологической этики в России. Выделен подготовительный этап развития идей об отношении человека к природе, заложивший основания для отечественной экологической этики (конец XIX – XX вв.). В его рамках рассматриваются идеи В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, П.А. Кропоткина, В.И. Вернадского. 1980-е годы – период становления идей экологической этики как самостоятельной академической дисциплины (появление первых отечественных монографий, учебных пособий, курсов, организаций). Рубеж XX – XXI вв. обозначен как этап ее институционализации, в ходе которой она оказалась вписана в общемировой контекст развития этико-прикладного знания. Автор предполагает, что центром кристаллизации нового образа экологической этики в будущем станет принцип предосторожности, предполагающий не максимизацию благ, а минимизацию морально значимых рисков. В определенном смысле это предполагает возвращение в прошлое: к представлениям, возникшим в традиционной крестьянской общине, которая (как и все человечество сегодня) ставило перед собой задачи выживания. «Этика выживания» изначально представляла собой систему традиционных земледельческих норм и правил, которые серьезно повлияли на становление русской философии и культуры. Автор предполагает, что в этой сфере отечественная экологическая этика способна обрести свою специфику и внести свой вклад в мировую этическую мысль.

Ключевые слова: экологическая этика, история этики, принцип предосторожности, этика выживания.

Промышленная революция XVIII – XIX вв. привела к масштабным изменениям во всех сферах жизни общества. С одной стороны, она позволила резко повысить производительность труда и улучшить качество жизни людей, с другой – обострила многие социальные проблемы и многократно ускорила процесс отчуждения человека от природы. Закономерной реакцией на это стало формирование антииндустриальных настроений, выражавших ностальгию по утраченной гармонии человека и природы (романтизм), желание возвратиться к привычному сельскохозяйственному укладу жизни (физиократизм), призыв к отказу от использования машин (луддизм) и т.д. Эти настроения, впрочем, долгое время оставались периферийными и неорганизованными: они не составляли целостной системы и не имели под собой внятных теоретических обоснований. Широкая публика воспринимала подобные идеи как оторванные от действительности и об-

реченные на забвение: они не были способны замедлить, а тем более повернуть вспять поступь прогресса. Тем не менее многие из идей, высказанных в XIX – первой половине XX в. до сих пор не потеряли актуальности. В работах некоторых западных исследователей этого периода (Р. У. Эмерсона, Дж. Мюира, О. Леопольда, А. Швейцера и др.) были предугаданы многие будущие проблемы, связанные с утерей связей человека и природы и предложены различные способы их разрешения.

В отличие от стран Запада Россия долгое время оставалась традиционной аграрной страной: первые попытки ее индустриализации начались в самом конце XIX века. Большая часть населения рассматривала природу через призму крестьянского мировосприятия, которое сохраняло и устойчиво воспроизводило характерные для древних традиционных культур представления о единстве, слитности социального и естественного порядка. Важнейшим элементом природного окружения для крестьянина была земля, а труд на земле был центром системы его нравственных ценностей.

Ряд идей, определивших специфику становления отечественной экологической этики, разрабатывается на первом, *подготовительном* этапе развития этико-экологической мысли, продолжавшемся около столетия: с конца XIX в. до конца XX в.

Русский философ В. С. Соловьев выделял три основных этапа отношения человека к природе: подчинение ей, покорение ее и, наконец, ее утверждение. На высшем этапе нормой деятельности является «культивирование земли, ухаживание за нею ввиду ее будущего обновления и возрождения... Возделывать землю – не значит злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее, а значит улучшать ее, вводить ее в большую силу и полноту бытия» [18, 496]. Целью в этом случае становится не только благополучие человека, но и благополучие природы, которая, согласно Соловьеву, обладает неутилитарной ценностью. Наличие этой ценности предполагает прекращение всякого насилия по отношению к природе: «Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни» [18, 497].

Особое значение для процесса формирования экологической этики в России имели работы Л.Н. Толстого. Толстой хорошо знал труды Р.У. Эмерсона и Г.Д. Торо, а также тексты индийской и китайской философии, которые утверждали сущностное единство человека с природой и ее отдельными элементами. Нравственно-экологическое кредо писатель высказывает в одной из своих записей в 1910 г. «Как во всякой нравственной деятельности, так и в следовании заповеди: “не убий”, дело не в достижении полного совершенст-

ва, а только в том, чтобы как можно больше приближаться к нему: как можно меньше убивать всяких живых существ, очевидно прежде всего людей, потом более близких, потом менее близких человеку существ, вызывающих в нас живое чувство сострадания, а потом и насекомых, и даже растения. Чем дальше уйдет человек по этой лестнице сочувствия к другим существам, тем лучше и другим существам и самому человеку» [19, 6].

В российских условиях начала XX века идеи Толстого о природном труде, основанном на ненасилии, нашли свое практическое выражение. Соединенные с традиционными крестьянскими представлениями о земле, они стали программой действий ряда толстовских крестьянских коммун. Их члены пропагандировали вегетарианство, не использовали труд домашних животных, отказывались от одежды из меха и кожи. Наиболее убежденные перетирали землю руками, полагая, что железо оскорбляет землю [12].

В России конца XIX – начала XX столетия (как правило, под влиянием идей Толстого) широко издавалась литература, посвященная нравственным аспектам отношения к животным. Среди многих подобных изданий следует выделить книги толстовца В. Г. Черткова «Злая забава. Мысли об охоте» (1890), а также «Жизнь одна (об убийстве живых существ)» (1912). Не меньшего внимания достойны художественные, публицистические и научно-публицистические очерки А.К. Ельского «Насколько развитие чувства сострадания к животным обеспечивает нравственность человечества, его умственные и социальные интересы» (1879), Я. А. Канторовича «Человек и животное. Этико-юридический очерк» (1898), В. В. Григоровича «Горькая доля» (1898), М. И. Лисовского «Немые страдальцы» (1903), П.В. Безобразова «Права животных» (1903) и т.д.

К началу XX века движение по охране дикой природы, восходящее к идеям Дж. Мюира, охватило все развитые страны Европы, в том числе и Россию. Зоолог Г.А. Кожевников защищал право дикой природы на существование без вмешательства человека [9]. А.П. Семенов-Тянь-Шанский видел в уважении этого права нравственный долг человека: «Создавая и уважая законы всякого разумного общества, мы не можем не сознавать, что на земной поверхности имеет высшее право свободного существования все на ней от века живущее. К тому же жизнь на Земле переплетена и связана такой сложной сетью внутренних взаимоотношений, что мы не имеем ни нравственного права, ни физической возможности нарушать искони установившееся равновесие жизненных сил» [17, 199].

Некоторый вклад в понимание природы с позиции этики внес русский ученый и анархист П.А. Кропоткин, который (в отличие от

Ч. Дарвина) полагал, что определяющим фактором развития в природе является не борьба, а взаимопомощь. Инстинкт взаимопомощи характерен для многих общественных животных и даже некоторых насекомых. Именно он способствует выживанию и сохранению вида. На этом положении основывается вывод о том, что «нравственное начало в человеке есть не что иное, как дальнейшее развитие инстинкта общительности, свойственного почти всем живым существам и наблюдаемого во всей живой природе» [10, 265]. Солидарность – универсальный природно-социальный закон, условие развития общества и фундамент этики. Такой подход позволил Кропоткину распространить представление о моральном сообществе на животных.

На формирование экологической этики в России заметное воздействие оказала философия космизма – работы Н.Ф. Федорова, Н.А. Умова, К.Э. Циолковского. Наиболее влиятельными в этом ряду оказались идеи В. И. Вернадского, продемонстрировавшего единство эволюции материального мира и живого вещества. Высшей стадией развития биосферы он (наряду с П. Тейяром де Шарденом и Э. Леруа) считал ноосферу – такую область взаимодействия природы и общества, в границах которой наука и человеческий разум становятся определяющими эволюционными факторами. На этой стадии человеческий разум превращается в геологическую силу космического масштаба, способную в ходе своей деятельности преобразовывать планету. Чтобы не допустить глобальной катастрофы, человечество, вооружившись научными знаниями, должно принять полную ответственность не только за свое будущее, но и за будущее биосферы. Для этого и потребуется, по мнению Вернадского, новая научно-ориентированная этика взаимодействия человека и природы. В этой связи он отмечает формирование тенденции, предполагающей глобализацию науки, «ее стремление к свободе мысли и то сознание нравственной ответственности ученых за использование научных открытий и научной работы для разрушительной, противоречащей идее ноосферы, цели» [5, 40]. Идеи Вернадского о ноосфере нашли свое дальнейшее преломление в трудах Н.Н. Моисеева, писавшего о коэволюции человека и биосферы, ряде философских работ Ф.И. Гиренка и т.д.

Мистический взгляд на идеи экологической этики предложил Д. Л. Андреев. В «Розе мира» (1958) он предрекает: «Приходит новое мироотношение: для него человек есть существо в грандиозной цепи других существ, он совершеннее многих, но и ничтожнее многих и многих, и каждое из этих существ имеет автономную ценность, безотносительно к его полезности для человека» [2, 99]. Ценность всякого существа возрастает вместе с усилиями, которые были затрачены

на то, чтобы он стал тем, кто он есть; в этом смысле ценность человека выше ценности животного. Однако по мере возрастания ценности растет и долг по отношению к тем, кто стоит ниже. Андреев описывает две группы мероприятий, начиная от запрета мучительных способов умерщвления животных и заканчивая ослаблением в животных хищного начала, которые должны привести к утопическому будущему, где люди и животные будут сосуществовать в мире ненасилия и гармонии.

В 1980-е гг. начинается этап *становления* отечественной экологической этики. Всего за десятилетие она проходит стадии, которые, как замечают В.И. Бакштановский и Ю.В. Согмонов, характерны для всякой инновации: «Первая: “что за чушь?!”», вторая: “что-то в этом есть”, третья: “кто же этого не знает?”» [3, 8]. Те идеи, которые поначалу казались непривычными и экзотическими, уже в 1990-х гг. воспринимались как общее место. Во многом высокие темпы освоения этико-экологического знания были связаны с осознанием чрезвычайной серьезности экологических проблем (особенно остро ощущавшейся после аварии на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 г.), а также кризисным состоянием позднесоветского общества, находившегося в активном поиске новых моральных и социальных ценностей.

В книге Р.И. Александровой и А.В. Смольянова «Экология и мораль» (1984) были систематизированы взгляды зарубежных экофилософов на нравственные проблемы взаимоотношения человека и природы. Авторы утверждали, что решение экологических проблем недостижимо сугубо техническими средствами: лишь формирование особого, активного нравственно-экологического мышления может способствовать успеху на этом пути. «То, чем станет природа для человека, каким будет отношение к ней, во многом зависит от общей нравственной позиции личности. Поэтому нравственно-экологическое воспитание предполагает формирование активного морального самосознания, активной жизненной позиции, занимаемой личностью по отношению к природе» [1, 4]. Несколько позже вышла другая работа, развивавшая эту проблематику – «Этика и экологическое воспитание» С. В. Бородавкина (1988).

В 1986-м тема «Экология и мораль» была включена в общую программу этики в Мордовском государственном университете, а с 1988-го года она была выделена в отдельный курс. Его разработчик, В. А. Писачкин, выстроил новый курс на основе деловых игр, разработанных на положениях Самотлорского практикума. Годом позже он же издал первое учебное пособие по проблемам экологической этики «Мораль и экологическое воспитание» (1989) [14], в котором подроб-

но рассмотрена моральная регуляция экологической деятельности, вопросы гуманизации отношения общества к природе, связь экологического сознания и гражданской активности личности. В пособии экологическая этика показана в различных ракурсах: как собственно этика отношения к окружающей среде, а также как важная составная часть профессиональных этик ученого, госслужащего, педагога, журналиста, инженера. В монографии Писачкина «Природа: разум, милосердие» (1990) проблемы экологизации рассматриваются на глобальном, государственном и региональном уровнях (или, в терминологии автора, «экосах»). Особое внимание автор уделяет последнему уровню: «Именно на этом “этаже” своего бытия человек более всего осознает нравственное единство с природой, а через нее с другими людьми, настоящими и будущими поколениями» [15, 7].

В 1989 г. был создан Киевский эколого-культурный центр, активно разрабатывающий проблемы экологической этики. Центр провел множество акций и разработал ряд законов, направленных на защиту окружающей среды. С момента образования центр издал около 150 книг зарубежных и отечественных авторов, посвященных охране природы, в том числе экологической этике, а также больше 60 выпусков «Гуманитарного экологического журнала». Директор центра В. Е. Борейко является автором ряда работ по истории, теории и практике природоохраны, в том числе и работы «Прорыв в экологическую этику» (1999).

Становление экологической этики во многом было связано с рецепцией идей представителей западной экологической этики. В первых отечественных работах идеи зарубежных философов рассматривались с позиции марксистской критики, но к началу 1990-х гг. они уже активно использовались как теоретический фундамент для анализа отношений общества и природы. Зарубежные идеи вводились в отечественный оборот очень активно. В 1980 г. вышло русское издание «Календаря песчаного графства» О. Леопольда, в 1990-м – реферативный обзор ИНИОН ряда иноязычных работ «Этика отношений с окружающей средой». В сборнике «Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности» (1990) опубликованы переводы статей Л. Уайта, Х. Ролстона III, Б. Калликотта, А. Швейцера. Силами Киевского эколого-культурного центра были переведены работы П. Сингера, Р. Нэша, Д. Формана и Б. Хейвуда и др.

Необходимо, однако, отметить, что в отечественной науке того времени имелись и оригинальные проекты, построенные на понимании экологической этики, отличном от западного. В их числе – проект «Освоение без отчуждения» в рамках программы «Этика Севера», разрабатывающейся в Тюмени. В ходе проекта проводился эксперт-

ный опрос для коллективной диагностики этноэкологической ситуации, которая сложилась на Тюменском Севере в связи его активным промышленным освоением, после чего проводилась деловая игра, в ходе которой эксперты предлагали свои модели решения проблем экономического развития, этнического выживания коренных народов Севера и сохранения природного окружения региона [13]. Были разработаны и предложены к оценке различные сценарии развития ситуации (такие как невмешательство, организация заповедной зоны, принятие мер по культурной ассимиляции). Отечественная экологическая этика здесь оказалась в совершенно новой для себя ситуации: специалисты должны были перейти от теоретических размышлений и традиционной критики к конкретному моральному выбору. Наконец, программа «Этика Севера» представила первый пример системного этико-экологического анализа, сфокусированного на реальной ситуации, взятой во всем многообразии своих аспектов (социологических, конфликтологических, культурологических, этнических и собственно моральных) [21].

С 1990-х гг. начинается период *институционализации* экологической этики на всем постсоветском пространстве: защищаются диссертации по различным ее аспектам, в ряде вузов начинают читаться соответствующие курсы. Издаются учебники по экологической этике В. Р. Бганбы (1998), Т. В. Мишаткиной (2008), И. А. Ильиных (2009), А. А. Сычева, Е. А. Коваль и А. Ю. Гусевой (2014), Р.Г. Апресяна и А.В. Прокофьева (2016) и др. В 2006 г. была создана международная кафедра ЮНЕСКО по экологической этике в г. Улан-Удэ, где активно публикуются соответствующие работы с учетом религиозной и национальной специфики региона (В. В. Мантатов, О. В. Доржигушаева и др.).

В 2007–2010 гг. Мордовским университетом при поддержке ЮНЕСКО и ИФ РАН был реализован проект «Экологическая этика в преподавании социальных и гуманитарных дисциплин» (грант HESP-OSI). По результатам этих конференций были проведены международные школы для молодых ученых и выпущены сборники статей «Этика и экология» (Новгород, 2010) и «Экологическая этика: сила этики для устойчивого развития» (Вильнюс, 2010); некоторые методические разработки участников были использованы в пособии «Основы экологической этики» (2008). В 2013 и 2017 гг. Пензенским государственным аграрным университетом были проведены школы для молодых ученых «Экологическая культура в аспекте экологической этики».

В 1994 г. вышла работа «Философия и экология» В. Хесле. В 2004 г. на русском языке был издан «Принцип ответственности» Г.

Йонаса, оказавший определяющее влияние на последующие работы по экологической этике [6, 16]. Распространение интернета сделало эти и другие (в том числе иноязычные) издания более доступными, что позволило российской экологической этике развиваться с учетом мировых достижений в этой области. Сегодня практически ни одну современную статью или монографию, посвященную проблемам экологической этики в России, невозможно понять в отрыве от общемирового контекста – без идей Леопольда, Швейцера, Йонаса и т.д.

Хотя экологическая этика глобальна и интернациональна, очевидно, что каждая культурная традиция способна и обязана внести в нее свой вклад. Тем не менее специфика отечественной экологической этики и ее вклад в мировую этику все еще остаются недостаточно проясненными и отрефлексированными, в том числе и в самой России. Примечательно, что в статье «Экологическая этика» академического энциклопедического словаря «Этика» (2001) отмечается: «экологическая или энвайронментальная этика – набирающее силу направление философско-этических исследований, ориентирующее на пересмотр ценностных основ западной цивилизации в направлении целостного развития человека и органичности его жизнедеятельности на Земле» [7, 566], но отечественные идеи и имена в этой словарной статье не упоминаются.

***

Экологическая этика всегда обращена к будущему, однако будущее это на заре развития этико-экологических воззрений было опрокинутое в прошлое. Программное эссе «Природа» Р. У. Эмерсона, заложившее первый камень в фундамент экологической этики, символично начинается со слов «Наша эпоха обращена к прошлому». Трансценденталисты, уставшие от мелочных регламентаций мещанской жизни, искали свой идеал в естественном, доцивилизованном состоянии гармонии и с природой, следуя в этом за Ж.-Ж. Руссо. Индустриализация, дегуманизация, механизация для них представлялись признаками грехопадения, а дикая природа – потерянным раем. Чтобы вновь обрести рай нужно вернуться в естественное состояние, и только природа способна предложить путь к нему. «Человек, – продолжает Эмерсон, – это рухнувшее божество. Когда люди вернутся к невинности, жизнь станет долгие и будет переходить в бессмертие так же незаметно, как мы пробуждаемся ото сна» [20, 219].

В ранних отечественных работах, посвященных идеям экологической морали, представления о будущем были не менее (если не более) оптимистичными. К.Э. Циолковский и В.И. Вернадский возвращались к античным идеям космоцентризма в качественно иных

масштабах. Они живописали будущее, в котором единое человечество находится в полной гармонии с Космосом, войны исключены из социальной жизни, уровень жизни небывало высок, люди умеют управлять климатом и могут свободно перемещаться за пределы планеты и Солнечной системы. «Ноосфера как гармония, – заключает В.А. Кутырев, – сциентистский аналог социально-политической утопии коммунизма и прочих, более ранних, мечтаний о рае» [11, 628].

Д.Л. Андреев, описывая будущее, вообще дает прямую отсылку к раю: «Лев, возлежащий рядом с овцой или ведомый ребёнком, – отнюдь не утопия. Это будет...» [2, 99].

Современная экологическая этика, однако, все скептичнее относится к подобному оптимизму. В наиболее последовательном виде новую методологическую установку озвучил Г. Йонас: «Теперь уже не удовольствие, доставляемое познанием, но страх перед грядущим или же страх за человека становится основным мотивом мышления, и оно само делается здесь деянием уже именно ответственности, понятие которой в нем разрабатывается и сообщается» [8, 29-30].

Новый образ экологической этики является в определенной степени негативной реакцией на чрезмерный оптимизм, характерный для эпохи Модерна. Центр его кристаллизации – *принцип предосторожности*, предполагающий не максимизацию благ, а минимизацию морально значимых рисков. Во многом он также является возвращением в прошлое: к представлениям о нравственно обязательном, возникшем в традиционном, прежде всего крестьянском обществе. Перед этим обществом (как и сейчас перед всем человечеством) стояла задача выживания, и права на ошибки и риск у него не было. Необходимо отметить, что «этика выживания» изначально представляла собой систему норм и правил крестьянской общины, которая оказала определяющее влияние на становление русской философии и культуры. Возможно, именно на этом исследовательском поле отечественная экологическая этика способна обрести свою специфику и внести весомый вклад в мировую этику.

Что касается иных, наиболее вероятных, особенностей развития экологической этики в будущем, то можно предположить, что будут развиваться и углубляться некоторые тенденции, намечающиеся уже сегодня.

Во-первых, становится все более очевидным, что жертвами деградации окружающей среды являются не только растения, животные и экосистемы, но и наиболее обездоленные люди (самые бедные, некоторые этнические меньшинства и т.д.). Фокусом экологической этики недалекого будущего, несомненно, станут проблемы *экологической справедливости*: распределения экологических благ и

рисков, вопросы признания социальных групп и их участия в процессе принятия морально и экологически значимых решений.

Во-вторых, возрастает понимание того, что традиционная оппозиция «экономика» – «защита природы» ошибочна. В глобальном мире нельзя пожертвовать экологией ради экономического развития и наоборот: ухудшение в одном аспекте в долгосрочной перспективе ведет к ухудшению в другом. В результате форсированного экономического развития природное окружение деградирует, а жизнь большинства населения планеты не улучшается. Богатые становятся все богаче, а бедные и природа – все беднее. Принцип *устойчивости* предполагает, что экологические, социальные и экономические вопросы могут решаться только в комплексе: фактически они являются различными гранями единой социоприродной проблемы.

В-третьих, экологическая этика не может ограничиваться исключительно сферой добрых намерений и увещеваний в духе толстовства. Она должна отвечать требованиям *эффективности и целесообразности*, а значит поддержана не только научными фактами, но и экономическими выкладками (при расчете факторов устойчивости или ценности биоразнообразия), управленческими стандартами и регламентациями (при реализации социальной ответственности), математическими расчетами (для дисконтирования потребностей будущих поколений или определения экологического следа).

Конечно, с уверенностью говорить о том, что все эти традиции будут продолжены в будущем, нельзя. У современных экологических проблем нет аналогов в прошлом. В традициях отсутствует опыт их разрешения, а ценности и нормы, ориентированные на межличностные взаимодействия, все чаще демонстрируют свою неспособность регулировать сложные социальные и социоприродные отношения. Более того – они часто сами оказываются причиной проблем. В этих условиях вероятно возникновение кардинально новой системы ценностей, норм и принципов, соразмерной настоящим и будущим глобальным вызовам. Сегодня задача ее разработки и обоснования возложена на прикладную этику. При этом экологическая этика выступает основным генератором инноваций для прикладной этики. Значимой ее характеристикой является постоянное стремление к нарушению принятых дисциплинарных границ и опровержению привычных схем рассуждения и действий.

Однако при всей своей инновационности экологическая этика будущего должна быть реалистичной. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов справедливо утверждают: «Экологические движения тем больше способны содержать общедемократические и нравственные ценности, чем меньше они подвержены радикалистским, романтиче-

ским упованиям, прожектерским, утопическим поветриям и чем меньше они настроены на применение насильственных методов борьбы за нравственно позитивные цели» [4, 191].

Глобальные проблемы современности масштабны и многомерны. Их невозможно рассматривать в отрыве от социального и культурного контекста и решать, прилагая к ним готовые универсальные теории. Каждая проблема уникальна и заслуживает особого рассмотрения с учетом всех воздействующих на нее и друг на друга факторов – природных, экономических, политических, духовных. Сугубо технических средств для решения подобных проблем недостаточно. Наука способна указать на возможные риски и предложить способы их минимизации, техника может предоставить инструментарий для этого. Однако для того чтобы человек отказался от привычного образа жизни, пожертвовал частью своего комфорта и материального благосостояния ради решения стоящих перед обществом проблем, он должен быть уверен, что его поступки действительно необходимы, морально оправданы и способствуют созданию лучшего будущего для человечества или, как минимум, делают это будущее возможным. В этом смысле экологическая этика является этикой будущего.

Список литературы

1. *Александрова Р. И., Смольянов А. В.* Экология и мораль. М.: Знание, 1984. 64 с.
2. *Андреев Д. Л.* Роза мира. М.: Прометей, 1991. 288 с.
3. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: рефлексивная биография направления. Тюмень, НИИ ПЭ, 2007. 196 с.
4. *Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Экологическая этика // Вестник. Вып.18. 2001. Тюмень, НИИ ПЭ. С. 186–192.
5. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
6. *Гаджикурбанова П. А.* Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса // Этическая мысль. 2003. № 4. С. 161–178.
7. *Ермолаева В. Е.* Экологическая этика // Этика. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 566–568.
8. *Йонас Г.* Принцип ответственности. М.: Айрис, 2004. 480 с.
9. *Кожевников Г.А.* О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Киев: КЭКЦ, 1997. С. 81–91.

10. *Кропоткин П. А.* Этика. М.: Политиздат, 1991. 496 с.
11. *Кутырев В. А.* Утопическое и реальное в учении о ноосфере // В.И. Вернадский: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 626–629.
12. *Мелешко Е. Д.* Толстовские земледельческие коммуны // Опыт ненасилия в XX столетии. М.: Аслан, 1996. С. 157–166.
13. Освоение без отчуждения. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: ИПОС СО АН СССР, 1989. Т. 1-2.
14. *Писачкин В.А.* Мораль и экологическое воспитание. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1989. 140 с.
15. *Писачкин В.А.* Природа: разум и милосердие. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1990. 181 с.
16. *Пугачева Н.П.* Человек, жизнь и природа в философии Ганса Йонаса. Пенза :ПГСХА, 2013. 184 с.
17. *Семёнов-Тян-Шанский А. П.* Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения // Природа. 1919. № 4–6. С. 199–216.
18. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. М.: ИРЦ Алгоритм, 2012. 656 с.
19. *Толстой Л. Н.* Не убий // Вегетарианская библиотека. В защиту жизни. М.: Посредник, 1913. С. 5–6.
20. *Эмерсон Р. У.* Природа // Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 178–223.
21. Этика Севера / Под. ред. В. И. Бакштановского, Т. С. Караченцевой. Томск: ИПОС СО АН СССР, 1992. Т. 1–2.